

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОРИЯ

«Велик, скромн,
честен и чист, как ребенок».

К пятидесятилетию со дня смерти Всеволода Вячеславовича Иванова (1895—1963)

По большому счету творчество писателя — это его автобиография. Как говорил наш отечественный культуролог Д. С. Лихачев, словесность «имеет дело прежде всего с человеком, стоящим за текстом». Как бы ни был богат, велик и разнообразен мир, включая Землю и Небо над ней, писатель способен извлечь из него и образно воплотить в своих произведениях не больше того, на что откликается его собственная душа, его личное и неповторимое «я»: только это он и способен явить своему читателю. Творческий опыт Всеволода Иванова подтверждает это в абсолютной степени безошибочности. И не только объективной сутью своего творческого наследия, но и личными высказываниями он подтверждает эту истину: «Все реально в этом мире... — размышляет он в романе «У». — Выдумка, миф, роман, сказка созданы человеком и в человеке. Материя, организованная человеком, есть время. Движение материи есть пространство. Материя и человек — вот главная сказка, от нее да не отыдеш!».

По отношению к такого рода писателям как Всеволод Иванов, в русской литературе искони закрепилось определение «самобытный», «самородный»: «самородностью» поражают Лесков, Чехов, Мамин-Сибиряк, Горький, Леонов... И только необычайное богатство отечественной литературы, удивляющей и хранящей в своих запасниках множество и других по достоинству не оцененных имен, мешает числить Всеволода Иванова среди корифеев отечественной культуры, в когорте ее классиков, печально свидетельствуя о необыкновенной безопасности славянского человека к сохранению своего духовного наследия.

Юбилей, даже такой далеко не праздничный, как 50-летие со дня смерти, предстает как повод вспомнить и по возможности отдать должное его щедрому вкладу в сокровищницу русской культуры. Он был отмечен какой-то поистине избыточной силой творческой энергии, внутренне — с раннего детства — сжигающей его жадной к художественному воплощению своих жизненных ощущений и представлений. Не случайно возникает впечатление, что этой творческой личности просто не хватало ни реально отпущенного на человеческую жизнь времени, ни физических сил для воплощения обуревавших ее планов, начинаний, замыслов, поэтому многое, помимо увидевшего свет, осталось еще или незавершенным, или неизданным по причине несоответствия цензурным требованиям.

Неистощимость творческих сил Всеволода Иванова проявилась многогранно. Мало кто из русских писателей отличился такой редкой склонностью к многожанровости, как он. Его называли лучшим рассказчиком и новеллистом своего времени. По свидетельству современников, Сергей Есенин говорил ему: «Ты сам не понимаешь, какой ты чертовски хороший писатель: «Дитя» твое — какая высота! Ты даже Европу пронял, американцев и тех покорила. Я о тебе статью напишу. Критиком для тебя сделаюсь». Писатель стяжал известность как автор многих циклов рассказов и повестей, ряда больших романов — «У», «Кремль», «Мы идем в Индию...».

За Сибирью безусловно остается особое право на участие в юбилейном чествовании большого русского писателя: он здесь родился, здесь произошло формирование и становление его творческой личности. Родился в поселке Лебяжье Павлодарского уезда Семипалатинской губернии в семье сельского учителя, образ которого любовно и детально прописан в «Похождениях факира». Так и не сумевший вытащить семью из бедности, Вячеслав Алексеевич был природно одаренным человеком. Отмеченный страстью к дальним странствиям и похождениям, выпускник Лазаревского педагогического института, знавший восемь языков, из них семь сибирских и французский, читавший серьезные философские труды, он жил в состоянии перманентного увлечения какой-либо спасительной идеей — археологических раскопок, кладоискательства, создания международного банка в уезде Павлодаре, способной «избавить и его, и многочисленных друзей от всегдашних мыслей о хлебе». Мятельно-творческий дух отца гулким эхом отозвался на биографии сына, позднее, уже в 1929 году, назвавшего отцовским именем Вячеслав собственного сына.

Окончив начальную школу и прервав учебу в сельскохозяйственном училище, еще подростком Всеволод покинул отчий дом, и многие годы жизни были отданы скитальчеству, похождениям, странствию по необъятным просторам Сибири от Зауралья до Мон-

голии и Дальнего Востока, и хорошо знакомые не только по произведениям Горького мотивные-сюжетные ситуации русской литературы «в людях», и «моих университетов» надолго становятся живой плотью судьбы и биографии писателя, подталкивая к постоянной перемене занятий и профессий: пришлось побывать мальчиком при лавке, типографским рабочим, наборщиком, матросом, грузчиком, циркачом — от клоуна, куплетиста, фокусника и даже борца. Но не одна лишь житейская потребность в пропитании и пристанище определяла охоту к перемене мест, а неугасающая ни при каких обстоятельствах внутренняя потребность самостоятельно добираться до высшего знания о жизни, до обретения собственного понимания ее целей и смысла, истины и счастья. Так возникает в сознании юного Всеволода Иванова образ далекой и таинственной Индии как символ обретенной человеком гармонии, страны, где живут факиры, достигшие полноты физического и духовного совершенства, носители сокровенной тайны бытия. Так формируется ближайшая цель личной жизни — приблизиться к образу факирского существования, отринув попутные соблазны суетной жизни, ибо факир неподкупен, презирает внешнее благополучие и преклоняется перед внутренним богатством, способен управлять своими страстями и т.д.

Факиром Вс. Иванов остался на всю жизнь, и факирской, чудотворной силой таланта исполнена его главная книга «Похождения факира». Ее часто сравнивают с горьковской трилогией, но роднит их в основном тематика — изображение духовного становления молодого человека в специфических условиях российской действительности на переломе веков (fin de siècle), поэтический же язык их глубоко различен. Строгому реализму горьковской трилогии с неукоснительно последовательным обличением «свинцовых мерзостей русской жизни» в книге Иванова противостоит бурный поток бытия, где есть место чуду, волшебству, экзотике, игре, театру, цирку, где жизнь предстает скорее как «человеческая комедия», чем как устойчивый воздвигнутый подмокост классовой борьбы, где сквозной светлой иронией надежно корректирует намерение героя обрести истину путем создания идеальной «системы»: «Система Санкия! Система Веданта! Система йога Петанджали! Все эти системы никак не могли сговориться с собой, даже слова они писали по-разному. В одной книге добро напечатано было с большой буквы, а в другой с большой буквы печаталась сила, а добро с маленькой... позже я понял, что каждая система старается обвесить, обмануть другую систему! «Нехорошо, очень нехорошо, господи иудусы», — думал я».

Лучшей дороги «в Индию», чем обратиться к словесному творчеству, юный Всеволод Иванов не нашел. С 1914 года стали появляться в сибирской периодике его рассказы, один из которых «На Иртыше» М. Горький включил в «Сборник пролетарских писателей» (1916). Оказавшись в Омске, он пытается организовать издание литературной газеты «Согры», пишет пьесы для местного театра, собственноручно набирает и издаёт тиражом в 30 экземпляров первый сборник своих рассказов «Рогульки», главным героем которого является все тот же упорно идущий «в Индию» романтик и правдоискатель.

Когда в 1921 году Иванов перебрался в Петроград, за плечами его уже стоял богатейший опыт жизненных и творческих исканий, он уже успел пройти и серьезную школу «самообразования», и революционную «практику» службы в Красной гвардии, борьбы с Колчаком, участие в партизанском движении Сибири. При появлении в среде столичных писателей «алеутская» внешность кондового сибиряка ни в малой степени не послужили препятствием разглядеть зрелость его интеллекта, глубину эрудированности, размах и незаемность творческой мысли. Он легко вошел в круг литературного объединения «Серапионовы братья», членами которого были Н. Тихонов, К. Федин, М. Зощенко, В. Каверин и др., дружеские отношения с которыми сохранились на всю жизнь. Наконец открылись перспективы профессионального труда литератора, возможность постоянно появляться на страницах столичных изданий, в том числе — главного журнала страны «Красная новь».

Творческая отдача Вс. Иванова 20-х годов потрясает своей интенсивностью. И коллеги-писатели, и читатели не перестают удивляться его феноменальному дару воспроизводить бурный поток наступившего

времени в неисчислимом многообразии лиц, характеров, типов, жизненных историй и судеб. Недостатка в жизненном материале, необходимом для воплощения в художественных образах, не было: сибирские странствия и непосредственная причастность к революционным событиям в далеком крае предстали как неиссякаемо живительный источник творчества надолго, если не на всю творческую жизнь. С его рассказами, многие из которых вошли в сборник «Седьмой берег» (1922), врывается в литературу не лишенная экзотичности суровая правда жизни пестрого сибирского люда, обитающего в районах, пограничных Японии, Корею, Китаю, где рядом с русским населением веками бок о бок жили казахи, киргизы, монголы, корейцы и т.д., встает неизведанное бытие трудящейся массы хлеборобов, охотников, рыбаков, пастухов, сплавщиков, открываются природные богатства Уссурийской тайги, невиданная красота приморских и горных пейзажей, неизмеримые пространства примонгольских, предальтайских и предуральских степей.

Если бы дело было только в новизне материала, своеобразии тем, сюжетов, мотивов...

Когда Иванов приехал в Петроград, на Дальнем Востоке еще шла гражданская война. Революционная проблематика уже успела войти в плоть и кровь молодой советской литературы, собственно на ней она и держалась. Многие писатели пришли в литературу прямо с фронтов гражданской войны, буквально не успев снять шинелей, как это произошло с Ивановым, так что острой характеров и сюжетных коллизий трудно было удивить: писатели буквально соревновались в стремлении овладеть читательским интересом за счет занимательности внешнего действия, пикантности социально-бытовых деталей: «Нынешние любяты описывать трупы и смрад или половые штучки... у всех о трупах и перепоротых горах», — писал о литературе тех лет И. С. Соколов-Микитов. И пафос безудержного прославления революции, и отстранение от нее путем живописания ужасов гражданской войны в одинаковой степени были неприемлемы для Вс. Иванова. Он сразу предстал писателем, который увидел не только величие исторического переворота, но и его трагическую изнанку. Революция разверзла бездну человеческих страстей, разрушила дремавшие в глубине человеческой природы инстинкты, обнажила скрытые в ней противоречия: еще недавно достаточно отвлеченные понятия Добра, Зла, Милосердия обрели характер неотложно-практического благоустройства.

Вот небольшой рассказ 1921 года «Дитя»: судьба младенца предстает здесь как средоточие всех нравственных, духовных, идеологических проблем, порожденных революцией. В судьбе беспомощного человеческого существа, обнаруженного в стане только что разбитых «беляков», тугим узлом сплетаются неразрешимые проблемы классовой и общечеловеческой морали, жалости и долга, отщепенца и прощения, скорое суда и оглядки на Вечность. Ожесточенные — до озверения — тяжестью перехода по знойной степи, невозможными потерями в ходе кровопролитных боев, исполненные буквально кипящей жадной мести классовому врагу, партизаны оказываются в конечном счете способны возвыситься до поистине притчевого исхода своих сомнений: «Дитя не при чем!» Беспомощный младенец пробудил в ожесточенном братоубийственной войной сердце то вечное и нетленное, что свойственно человеку всегда и всюду — заботу о сохранении жизни на Земле, мысль о неизбывности Добра и Милосердия. Рассказ не случайно вызвал восторженный отзыв Есенина, вообще тепло был встрече широкой читательской аудиторией, увидевшей в нем знак непрерывности гуманистической традиции русской литературы, своего рода «охранную грамоту» против зла и насилия.

Настоящее признание пришло к Всеволоду Иванову после того, как в начале 20-х годов одна за другой увидели свет его партизанские повести — «Партизаны», «Цветные ветра», «Бронепоезд 14-69», а через некоторое время роман «Голубые пески» (1923), выдвинувшие его на передний край литературного процесса страны. Так случилось, что переизданные бесчисленное число раз повести и превращенный из повести в пьесу «Бронепоезд 14-69», триумфально в течение целых десятилетий передвигавшийся по сценам не только театров страны, но и мира, заслонили реальное многоцветье творческой палитры большого писателя, стали в своем роде его авторским брендом. Разумеется,

власти очень хотелось видеть яркого и всенародно признанного художника слова ортодоксальным певцом Октябрьской революции, правверным выразителем эстетических и идеологических принципов социалистического реализма. Да и сам писатель не мог не отдать должной дани строгим литературным требованиям времени: и в его произведениях правота красных неизменно превышает правоту белых. Однако того глубинного внимания к человеку как таковому, как главному субъекту истории, что определяло доминанту его творческих исканий и что превышало служение сиюминутным интересам текущего времени, нельзя было не ощутить и в партизанском цикле произведений. В результате внимание писателя оказывается сосредоточенным не столько на изображении классово-войсковой борьбы и непримиримости, сколько на непостижимой сложности внутреннего мира человека, независимо от его социально-классовой принадлежности. Его герои не однозначны: даже будучи бойцами одного стана, они спорят, противостоят друг другу, мучительно ищут истину, выходящую за пределы заботы о собственном куске земли, «не связанной с хозяйством». И хотя «моги слушались плохо, и каждая мысль вытаскивалась наружу с болью, с мясом изнутри, как вытаскивают крючок из глотки попавшейся рыбы», в конечном счете она оказывается способной возвыситься до понимания единства интересов человека на Земле. И если один утверждает: «Воевать надо! Буржуев бить надо!», то другой убеждает: «Любовь надо. Без любви не прожить... Без любви вечно воевать будут. Нельзя так!».

Нельзя так! Этот нравственный императив сквозным нервом проходит через все творчество писателя. Его тревожит эскалация жестокости, неизбежно сопряженной с ходом революции. Душа не может принять победы нового над старым любой ценой, ценой взорванного Храма Христа Спасителя, повсеместно поверженных наземь церковных крестов, безжалостного разорения культурного наследия — дворцов, музеев: в Географическом обществе «спирт из препаратных банок выпили, крокодил из истопили печь, на черепаше мальчишки с горы катаются...» В особенности же болит душа от обезличивания человеческой личности, полного пренебрежения ее индивидуальностью и неповторимостью. Утверждение своего победного шествия Революция начала с перестройки или, как тогда говорили, «перековки» человека: но можно ли одержать победу на этом фронте, не постигнув тайны человеческой природы как таковой, сложности внутреннего устройства природы людской? Не удивительно, что среди многих сборников с повестями и рассказами тех лет («Экзотические рассказы» — 1925, «Гафир и Марьям» и «Пустыня Тууб-Коя» — 1926, «Дыхание пустыни» — 1927 и др.) особый успех выпал на сборник «Тайное тайных» (1927), полемический заряд которого не мог не ощутить наиболее «проницательный читатель» тех лет. Официальной идеологии упрощенно понятого равенства в рассказах этого цикла противостоит авторская позиция понимания человека как вечного и неиссякаемого объекта исследования, как обладателя непознанного мира инстинктов, безотчетных предчувствий, скрытых побуждений, таинственной сферы действительного подсознательных сил, словом, как неисчерпаемый кладезь «тайного тайных». Что побудило умирающую кухарку Катерину Алексеевну из новеллы «Сервиз», всю жизнь трепетно берегавшую дорогой хозяйский сервиз «французского фарфора с следными, как бы тающими розами», верно служившую ему «полсотни лет, больше чем полсотни, семьдесят пять лет!», за мгновение до смерти потребовать принести ей две сервизные тарелки и, ясно почувствовав, что «теперь ей бояться некого», весело подбросить их вверх.

(Окончание в следующем номере)

Л. П. Якимов, д. филол. н., главный научный сотрудник Института филологии СО РАН; А. П. Деревянко, академик РАН.

Статья написана в рамках интеграционного проекта СО РАН №53 «Литература и история: сферы взаимодействия и типы повествования (совместно с ИИ и А Уро РАН).

* В заглавии статьи — слова казахского писателя Каюма Мухамедханова.